

Вся эта внешняя форма имела для феодализма огромное значение. Отнимите у феодалов рыцарский замок, не было бы феодализма; даже более, отнимите только род его вооружений — эта горсть грозных, но малочисленных рыцарей <не могла бы угнетать целое народонаселение без замков и доспехов>, не могла бы иметь такой силы.

Кто видел средневековые доспехи, тот знает, что рыцарь, выезжая из каменного, надевал на себя железный замок. Такая форма доспехов вынуждалась условиями той жизни. Рыцарь был закован, чтоб никуда не проникла в него стрела виллана¹. Человек в таких доспехах, разумеется, был более способен к оборонительной, чем к наступательной войне. Оттого-то так неудачны были военные предприятия вне Европы: это доказывает история крестовых походов, где гибнет цвет европейского народонаселения под ударами турецких наездников. Стоит только убить коня под феодальным рыцарем, он не в состоянии был подняться с земли в тяжелом доспехе. Но эти доспехи были рассчитаны для той среды, в которой он жил. Мы видим в феодальных войнах, что в битве с обеих сторон находится, бесспорно, много храбрых людей, не боявшихся смерти, и между тем раненых к концу битвы немного, побеждают большей частью пленом: рыцари были почти неуязвимы. Этим объясняются те почти баснословные рассказы, как 10-ки рыцарей разбивали тысячи, 10-ки тысяч вилланов и сельских возмущившихся жителей. Новейшие исследователи приписывали это пристрастию Фруассара к рыцарству, но это на самом деле должно было быть не иначе: горсть рыцарей, вооруженных в железо, достаточно была, чтобы разогнать и раздавить нестройные толпы плохо вооруженных крестьян. Кроме того, это было единственное приученное к войне сословие. От самых ранних лет феодальный владелец воспитывался для войны. 7-летним мальчиком поступал он налож в какому-либо известному феодалу, где до 14 лет исполнял разные домашние службы, что не наносило, впрочем, ему никакого бесчестия. На 14 или 15 году он делался оруженосцем, сопровождал господина на войне, нес его оружие, за обедом разрезывал мясо, наливал вино, служил домашним рыцаря и учился в этом обществе принятому обращению и хорошим манерам и, наконец, сам вступал в рыцарство.

Мы употребляем слово рыцарь, рыцарство, но мы не сказали еще, что это было такое. Это было замечательное явление средневековой жизни. У большей части так называемых образованных людей даже в некоторых сочинениях существовало мнение, что рыцарство существовало только в романах, что эта мечта, призрак, форма, во имя которой совершалось в действительности несколько не похожее на нее. Это мнение отчасти даже высказал и Гизо в своей *Histoire de la civilisation*, но это мнение совершенно ложно². (Кто хочет ближе познакомиться с этим предметом, укажу на сочинение ученого XVIII ст. *De Sainte Palaye*³, которого немецкий перевод Клюбера гораздо лучше подлинника по примечаниям; сверх того,